

Дальние берега

Юлия Сибирская

Линия души

Юлия Симбирская

Дальние берега

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Симбирская Ю. С.

Дальние берега / Ю. С. Симбирская — «Росмэн»,
2018 — (Линия души)

ISBN 978-5-353-08906-3

В уютный мирок домашней тихони Жени бесцеремонно вторгается всезнайка Тоня. Мечтая избавиться от этой выскочки и отомстить ей за бесконечные насмешки и унижения, Женя неожиданно для себя находит совсем не то, что искала, и с головой окунается в новую, захватывающую жизнь. И что, в этой жизни действительно нет места глупым обидам? И неужели Женя и правда встретит того единственного и неповторимого, кого даже не надеялась повстречать?

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08906-3

© Симбирская Ю. С., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Юлия Симбирская

Дальние берега

© Юлия Симбирская, текст, 2018

© Макет, оформление. ООО «Росмэн», 2018

Глава 1

– А ты знаешь, что дядя Федя съел медведя? – Тоня плюхнулась на садовые качели и устала на меня.

– Какого медведя? – переспросила я, замерев с лейкой в руках.

– А почему ты не интересуешься, какой дядя Федя?

«Скорей бы она уехала, скорей бы она уехала, скорей бы она уехала! Дура! Дура! Дура!»

Про себя я тысячу раз могла назвать ее душой, в лицо – нет.

– А ты знаешь, сколько метров в дециметре? Тоня и не думала оставлять меня в покое.

Она раскачивалась на наших качелях, отталкиваясь босой пяткой, и мне очень хотелось, чтобы качели рухнули. И не жалко их!

– А ты знаешь, как правильно пишется: «исчо» или «езчо»?

Перегнувшись через спинку качелей, Тоня обрывала оранжевые звездочки календулы и швыряла в кусты. Вот так, между делом, отрывала головы цветам.

– А ты знаешь...

– Женя, иди почитай дедушке! – Меня спасла мама.

Я бросила лейку на дорожке и, хлюпая босоножками, помчалась в дом.

Я часто завожу с мамой разговор о Тоне:

– Как хорошо нам жилось без нее. Почему именно мне приходится мучиться? Кто она нам? Совсем никто – дочка твоей подружки. Так пусть тетя Оля ее и воспитывает. Почему все праздники, выходные и каникулы я должна проводить в Тониной компании? Даже в деревне нет от нее спасения!

Мама вздыхает, пожимает плечами и, по-моему, сама не знает, почему так сложилось. Ей жалко тетю Олю и Тоню. А еще мама добрая и мудрая. Мне кажется, ее все любят. Я не видела и не слышала, чтобы она с кем-то ругалась. А все соседи улыбаются, если видят маму во дворе или в подъезде. Абсолютно все! Даже хмурый дед с писклявой собачкой с пятого этажа. И всем хочется маму остановить, поговорить. Как будто ей должно быть интересно, у кого колени хрустят и в каком магазине дешевая гречка. Я ведь знаю, что не интересно, а мама так искренне сочувствует, удивляется, благодарит, радуется, что люди оживают и расправляют плечи. Я так не умею. Даже пробовать не буду. Я не в маму.

– А меня тебе не жалко? – злюсь я каждый раз, когда мама приглашает Тоню в гости. – Ей тринадцать лет, она вполне может посидеть дома самостоятельно!

– У Тони астма, ей нужно бывать на свежем воздухе. Странно было бы не брать ее с собой, когда Оля сутками пропадает на работе. Нет, это здорово – сбегать в деревню. А я вообще каждый раз в детство сбегаяю. К папе. Нельзя жить только своими интересами, Женя. Вот что я хочу сказать.

Мама пытается все разложить по полочкам. Но вот этот упрек в конце меня сильно колет.

– Я бы с удовольствием пожила своими интересами, а то последнее время живу только Тониними.

Мама гладит меня по спине:

– Женя, Тоне сейчас трудно, но она привыкнет, поймет, что никто не собирается ее обижать. Вот посмотришь, она сбросит свою лягушачью шкурку.

– Ага, и станет царевной, – перебиваю я маму. – Скоро мне придется напоминать тебе, кто из нас твоя родная дочь. Слишком уж ты беспокоишься о ней.

Я понимаю, что мои слова обижают маму, которая изо всех сил старается, чтобы всем было хорошо. Но так не бывает, и пока хуже всех мне.

Если честно, мне тоже жалко Тоню. Я знаю, что у нее нет настоящих родителей и вообще – родственников. Только очень дальние, которые не взяли Тоню к себе, когда умерла бабушка. Тоне грозил детский дом. Тетя Оля была всего лишь соседкой, а стала мамой. Когда Тоня особенно старательно изводит меня, я повторяю про себя: «У нее нет настоящей мамы, у нее нет настоящей мамы...» Только жалость не дает мне наполниться ненавистью до краев.

– За что ее можно ненавидеть?! – изумляется мама. – За то, что она умная, красивая, волевая? Женя, тут попахивает обыкновенной завистью. То, что Тоня выставляет колючки, – объяснимо. У нее за плечами такой багаж пережитого, который не каждому взрослому под силу тащить, а она справляется.

– Она презирает меня. Она самоутверждается за мой счет.

– Женя, ты говоришь, как школьный психолог. Перестань заикливаться на Тоне и обратись к себе. У тебя опять футболка задом наперед.

Как это получилось: все Тонино – большое и значимое, все мое – мелкое и нелепое? Я говорю с мамой о своей беде, а она возвращает меня к пустякам. Конечно, можно ни с кем не делиться переживаниями, сидеть в «домике», но я так не умею, страшно там одной ждать волка. Мой домик оказался из соломы, как у Нуф-Нуфа в «Трех поросятах». Приходит волк, дует, и оказывается, что мое убежище держится на честном слове, солома летит по ветру. Вот и приходится прятаться за маму и просить, чтобы она помогла подлатать стены и крышу. А мама тычет меня носом в футболку.

Глава 2

До того как Тоня с ногами влезла в мою жизнь, я не подозревала, что «мой нос на семейных рос, а одной достался». Раньше я простодушно считала себя обыкновенной, вполне симпатичной девочкой. Теперь поняла, как заблуждалась.

– С ума сошла! Слушай ее больше, она от зависти так говорит. Ей плохо, она хочет, чтобы всем плохо было, – успокаивает меня Регина.

Я смотрю на свою лучшую подругу и понимаю, что маленькая курносая Регина с мышинным хвостиком на макушке тоже не устояла бы перед Тоней. Как и я, она бы принялась штудировать медицинские справочники на тему пластической хирургии.

Мама просто отвела меня на консультацию к хирургу, и он, внимательно рассмотрев мой нос, отправил нас к психологу.

– Вот, что и требовалось доказать! – торжественно сказала мама на крыльце поликлиники.

– Это ты про Тонину подлость?

Мама вскинула брови:

– Это я про твой нос. При чем тут Тоня?

– А при том, что именно она советовала мне спать лицом в подушку. В такую, которая гречкой набита! – Я с вызовом посмотрела на маму.

– Жень, не обольщайся. Не такой уж у тебя длинный нос. Так себе нос, прямо скажем. Обыкновенный. А хочешь, вставим в носы по маленькой сережке?

Да, в этом вся мама.

Мы шли через сквер, дышали, и было хорошо, как бывает утром в будний день, – никакой суеты. Одноклассники писали самостоятельную по истории, а я шла за руку с мамой и смотрела на облака. Тогда я поняла, что хочу так идти всегда, мне страшно отцепляться. А как быть тем, у кого нет руки, чтобы держаться всю жизнь?

Мы добрались до кафе, купили какао, мороженое, а мама не удержалась и заказала наполеон, потому что в этом кафе «самый вкусный наполеон во Вселенной», так было написано на грифельной доске при входе.

– Это правда? – спросила мама девушку-официантку, кивнув на доску.

– Чистая правда! Мы ведь сами готовим. Вам повезло! – Она прижала свой блокнотик к клетчатой рубашке.

– Отлично! – улыбнулась мама.

А потом шеф-повар лично принес маме десерт. Шеф был в форменной поварской куртке, высоком колпаке, как в мультфильме «Рататуй», а по обе стороны от белоснежного колпака торчали уши, красные, как мамина сумка. Если бы не форма и колпак, я бы подумала, что шеф учится классе в девятом ну или в десятом.

– Боже! – воскликнула мама. – Это не наполеон!

Автор десерта поставил тарелку на стеклянный стол и замер. И я замерла, потому что мама никогда никого не ругала.

– Это наполеон, – пробормотал шеф.

– Нет! Это поэма! Он прекрасен! Совершенен! Буду пробовать. – Мама отломил кусочек блестящей вилкой, отправила в рот и зажмурилась.

Я огляделась: девушка-официантка, шеф и посетители за соседним столиком улыбались. А я почувствовала, что мой «домик» из соломы стал прочнее, потому что в тот момент в мире было все очень хорошо.

Глава 3

Дошло до того, что я стала мечтать подловить Тоню на каком-нибудь особенно гадком поступке, чтобы ее от меня изолировали, чтобы мама боялась ее дурного влияния. Вот если бы Тоня курила и научила меня. Тут мама бы не смеялась. Но Тоня не курила. Самой плохой из всех ее привычек была привычка читать лежа. Тетя Оля постоянно твердила, что еще год – и Тоня наденет очки. В таком случае она бы сказала, что без очков ходят самые отсталые слои населения. Я не то чтобы не любила читать, просто у меня были свои пристрастия. Например, комиксы. До появления Тони мы с Региной регулярно обменивались комиксами, а теперь в Тонином присутствии я не позволяла себе полистать любимые мультяшки.

Стоило мне взять их в руки, Тоня обязательно комментировала:

– Да, у некоторых людей мозг устроен так, что способен переваривать только комиксы.

– Мозг не может ничего переваривать, это не желудок, – возражала я срывающимся голосом.

– Вот, ты даже иносказание не в состоянии понять, – вздыхала Тоня.

Между прочим, комиксы – это совсем не для дураков. Это вид искусства. Рассказать историю в картинках, чтобы получилось по-настоящему интересно, та еще задача. Я читала, что первые картинки с текстом появились в Древнем Египте и в Древнем Китае, вроде бы в четырнадцатом веке. Конечно, только в двадцатом комикс стал комиксом. А сколько у него возможностей, сколько секретов, это ведь и литература, и графика. Мне нравится слово «графика». В ход идет все: цвет, шрифт, размер шрифта, даже интервалы между буквами имеют значение. Про комиксы пишут диссертации ученые. Если бы Тоня оказалась в Японии, она бы мигом поняла ценность комиксов. Все это я отлично сформулировала в голове, а вот сказать так, чтобы Тоня перестала высмеивать мое увлечение, не получалось. Я только бормотала что-то невнятное про черепашек-ниндзя. А ведь как прекрасна Хильда и «Звездный замок»!

Даже когда Тоня отправлялась домой, я не могла дышать полной грудью, потому что мое пространство постепенно заполнялось ее вещами. Они попадались на глаза и напоминали о горькой доле объекта Тониных насмешек. На полке в моем шкафу лежала Тонина пижама, в стаканчике для зубных щеток стояла Тонина зубная щетка. Тонины заколки, тетрадки, игрушки – все это хранилось у нас до следующего ее визита.

Скоро я начала засыпать и просыпаться с мыслью, что мне необходимо обнаружить у Тони слабое место. Оно есть у каждого человека. В конце концов я могла просто вынудить ее отказаться от нас добровольно, стоило только побольней ударить.

– Скажи ей в лицо, что она гадина. Обидится и будет дома сидеть, – советовала Регина. – Ты не думай, что я со зла, просто надо ведь ее на место поставить.

– Не оправдывайся. Видишь, ты с ней еще не знакома, а уже оправдываешься, боишься ее.

– А ты не боишься? – обиделась Регина.

– Не знаю. Когда она рядом, я теряю волю. У Регины округлились глаза:

– Слушай, а она ведь вампир. Энергетический. Точно! Она зомбирует людей. Поэтому перед ней все по струнке ходят.

Лицо у Регины было такое, как будто она совершила грандиозное открытие. Мне стало не по себе. А вдруг – правда?

Я попыталась аккуратно изложить Регинину версию маме.

– Перестань, Женя, не хочу даже слушать этот бред. Как только человек пасует перед трудностями или встречает препятствие на пути, сразу начинаются версии про энергетических вампиров, третий глаз и т. п. Выстраивать отношения с людьми порой трудно. Мы только и делаем, что чего-то ждем друг от друга, а когда не оправдываются ожидания, злимся. Еще

раз тебе говорю: займись делом. У тебя по английскому две тройки подряд, а ты обсуждаешь Тоню. Тоня подлавливает тебя на дяде Феде, а ты попробуй тоже подловить ее. Заткни за пояс эрудицией. Не знаю, поможет ли, но как вариант.

Мамин план заткнуть за пояс Тоню был хорош, но для его осуществления потребовалось бы слишком много времени. Эрудицию за неделю не отрастишь. Однажды я попыталась оголошать Тоню знанием столиц африканских государств, целый вечер зубрила политическую карту. Тоня сначала растерялась, когда за ужином я заявила, что хотела бы побывать в Додоне. Папа с мамой тоже растерялись.

– В каком Додоне? – переспросил папа.

– В столице Танзании. – Я постаралась, чтобы голос мой звучал максимально непринужденно.

– Странное какое-то название столицы, – сказала Тоня, ковыряя котлету. – Мне очень напоминает одного пушкинского героя.

– Молодец, Тоня! – похвалила мама. – «Золотой петушок»!

– Тетя Маша, вы так восхищаетесь тем, что я знаю сказку Пушкина? – засмеялась Тоня. – Мне, слава богу, не пять лет.

– Просто имена персонажей порой путаются, забываются, – смутилась мама.

– Ну не Пушкин же! – Тоня отодвинула тарелку.

– Вообще-то столица Танзании – Додома, – сказал папа, который не поленился сбегать в комнату за географическим справочником.

– Ну конечно, я сразу поняла, что Женя, как всегда, напутала.

– Почему «как всегда»? – пробормотала я, уткнувшись в тарелку.

– К чему ты вообще вспомнила про эту Додому? Ведь на самом деле ты не мечтаешь там побывать, иначе выучила бы правильное название.

Я сунула в рот помидор и принялась жевать так яростно, что прикусила язык. И помидорный сок смешался у меня во рту с капелькой крови.

Да, Тоня не знала столицу Танзании. Это все поняли, но душой снова выглядела я.

Папа увлеченно листал справочник:

– Кстати, вот не знал, что столица Буркина-Фасо – Уагадугу, а вот столицу Египта, конечно, знают все...

– Каир! – Тоня перебила папу. – Это на самом деле знают все, а насчет Буркина-Фасо не расстраивайтесь, Алексей Михайлович. Я тоже не знала. Но вы мне сейчас подкинули идею, как тренировать память. Хорошая память мне очень нужна. Буду запоминать столицы африканских государств. Смотрите, а Жене скучно.

Со мной что-то не так. Во мне нет «живого любопытства». Так сказал однажды папа, когда мы всей семьей поехали в Прагу и я отказалась идти в музей Альфонса Мухи. Я помню мамино выражение лица: удивление и растерянность. Она не заставляла, не настаивала, просто пыталась понять, как можно целый день сидеть в гостинице, если вокруг старинные замки, мощенные булыжником улочки, богемское стекло и Муха. Мне было стыдно, но больше всего хотелось, чтобы родители ушли, а я осталась в номере и смотрела «Гравити Фолз» в телефоне.

– Женя, понимаешь, какая штука, – грустно сказал тогда папа. – У тебя есть загранпаспорт, в котором уже мало свободных страниц. Ты смотришь мир, но как-то некачественно смотришь. Подушки и занавески во всех гостиницах одинаковые. Впитывай, пожалуйста, настоящее: культуру, искусство, простую жизнь аборигенов – это важно, это тоже твой багаж.

Вот уж Тоня обошла бы все музеи. Я очень боялась, что родители станут и ее брать в поездки, но пока не складывалось. А я имею право сидеть в гостинице, если хочу. Куда эти музеи денутся? Вырасту и схожу, может быть.

Глава 4

В первую нашу встречу Тоня показалась мне расчудесной. Она рассказала кучу смешных историй и даже подарила мне браслет. Да, сняла с руки и подарила. Самый красивый, с подвеской-птичкой и голубой бусиной. Я все время теребила эту гладкую бусину с прозрачной сердцевинкой и приписывала ей что-то магическое. Сама не знаю почему.

Помню, как мы ездили с тетей Олей выбирать купальники. Я выбрала бирюзовый, с воланом на трусах, а Тоня – в цветочек. А потом в бассейне она вдруг сказала, что минуту назад видела одну старушку точно в таком же купальнике, как у меня. Причем сказала в тот момент, когда рядом было много народу. И на меня обернулась одна девица. С этого момента все показилось.

Тоня играла со мной, как кошка с мышкой, пока я окончательно не выдохлась и не превратилась в ежа. Но ей и ежи нипочем.

Раньше я любила раскрашивать футболки специальными красками по маминым трафаретам. Любила выращивать деревья из косточек. Любила рассматривать лица пассажиров в трамвае и сочинять разные истории. Конечно, я их никому не рассказывала и не записывала, хранила в своей голове. Любила засушивать кленовые листья в папиных медицинских книжках и маминых словарях – у нас почти все толстые книжки в доме набиты листьями. Любила шить платья на кукол. Да, это вообще кошмар – шить на кукол в тринадцать лет. Но я ведь никого не заставляю так позориться.

– Из какой ерунды состоит твоя жизнь! Живешь, как кабачок: торчишь в интернете, листья собираешь. И что? Таких, как ты, миллионы.

Мне сразу представилась бесцветная масса людей, которые нужны только для того, чтобы оттенять других. А эти другие – сильные и яркие – соревнуются между собой. Меня никто даже не допустит до участия в соревнованиях. Почему жизнь обыкновенного человека ничего не стоит? Ведь никто не знает, какой она будет через десять, через двадцать лет. Вдруг я что-нибудь изобрету или покорю? Когда тебя постоянно сравнивают с кабачком, как будто перечеркивают будущее. Мама говорит, что всегда есть выбор: обижаться или нет, принимать чужое мнение или оставаться верной себе. Но получается, что это чужое мнение поддерживают остальные, иногда сами того не замечая. А я одна против всех.

После Тониных слов я несколько дней не рыхлила свое лимонное дерево на лоджии. Оно обиделось и сбросило листья. Я стала зажмуриваться в трамвае, чтобы ничего не сочинять. А Тоня заметила, что я убрала в комод всех кукол, и назвала меня слабачкой.

Тогда я решила заболеть, и сразу воспалением легких. Меня положили в больницу. Первые дни мама сидела на стуле рядом с моей кроватью, пока медсестры не выпроваживали ее в ночь. Вообще-то можно было и не сидеть, потому что я вполне прилично себя чувствовала, но маме так было легче.

А Тоня вдруг передала мне в больницу открытку с кучей разных пожеланий, хороших пожеланий. И ужасно смешную книжку про Ба-баку Косточкину. Я так хохотала, что меня сначала ругали медсестры, а потом я им дала эту книжку почитать. Они тоже всю ночную смену хохотали. И в ту ночь, кстати, не поступило ни одного тяжелого больного.

Я вышла из больницы немного зеленая, с полными карманами воздушных шаров. Не надутых, естественно. И мы с Тоней два дня их надували – мне надо было разрабатывать легкие, а Тоня дула за компанию. В моей комнате было не протолкнуться. А когда я порозовела и пошла в школу, Тоня не пригласила меня на свой день рождения.

Глава 5

Когда тетя Оля сообщила маме, что один знакомый позвал ее замуж, я очень удивилась. Во-первых, выходить замуж за знакомого – это глупо, замуж выходят за любимого человека. Регина тоже так считает. И вообще замуж не зовут, а просят. Цветы, кольцо и все такое. Я, конечно, не особенно рассчитывала выйти замуж со своим носом, но никто никогда не запретит мне мечтать. Во-вторых, видела я этого знакомого – маленький, лысенький и в мятом костюме. Хотя, если я мечтаю, он, наверное, тоже имеет право мечтать. Но, в-третьих, я очень обрадовалась, потому что этот мятый знакомый живет на другом конце города, как раз в таком районе, где чистый воздух. Теперь у Тони появится прекрасная возможность дышать им на другой территории.

Мама с тетей Олей сидели у нас на кухне, пили кофе с пирожными и болтали. Тоня хозяйски расположилась в моей комнате с книжкой, а я крутилась возле мамы, чтобы не пропустить важную информацию. Для прикрытия мыла посуду у, вытирала пыль на подоконнике, рыхлила цветы.

– Женя, перестань слушать взрослые разговоры! – выпроваживала меня мама.

Вот, всегда так: чистые тарелки она не увидела. Но настроение все равно улучшилось. Когда я вошла в комнату, вид Тони, развалившейся на кровати, меня практически не разозлил. Мысленно я уже запаковывала ее пижаму, зубную щетку, зарядку для телефона, кроссовки, свитер и лаки для ногтей в большую коробку, чтобы выставить за порог и вздохнуть в своем доме полной грудью. «Не ровен час, сама астму наживу», – подумала я и села на подоконник.

– Что, Игнатия Борисовича обсуждают? – спросила Тоня, не отрываясь от книжки.

– Кого? – переспросила я.

– Ну, Олиного жениха.

– Его зовут Игнатий Борисович? – Я улыбнулась.

– Да, а что? – Тут Тоня подняла глаза, и я приготовилась к очередному унижению.

– Ничего, просто я не знала, как его зовут.

– Теперь знаешь. И будь добра, не хихикай.

– Я не хихикала.

– Представляю, как примитивного человека может развеселить редкое имя или название населенного пункта.

– Я не примитивный человек.

– А я не сказала, что ты примитивный. Я сказала «не хихикай».

– Но я и не хихикала! – Мой голос сорвался на писк.

– Не мешай мне читать.

Я спрыгнула с подоконника и выбежала из комнаты.

Мое приподнятое настроение моментально улетучилось. Тоне хватило двух минут. Хорошо, что у тети Оли был редкий выходной, и они вскоре ушли. Пока без коробки с вещами.

– Папа, а ты бы хотел, чтобы тебя звали Игнатий Борисович?

Папа отвлекся от намыливания тарелки и посмотрел на меня с недоумением:

– Не совсем понял вопрос, Женя.

– Ладно, неважно.

– Нет, разъясни. – Папа аккуратно расставлял тарелки в сушилке.

Ему нравилось мыть посуду. Мыл и приговаривал: «Очевидно, я чудак и всегда им буду: обожаю вечером перемыть посуду. Слева в кране – кипяток. Справа кран холодный. Руки заняты, зато голова свободна».

Это не папа сочинил. Это из моей детской книжки. И папа не присваивает ни строчки. Он цитирует и всегда называет автора: Григорий Кружков. Хотя мы с мамой прекрасно об этом знаем, но папе важно назвать «из уважения к поэту».

Я так и не разъяснила, почему спросила про Игнатия Борисовича. Глупый был вопрос.

Глава 6

Вечером мне позвонила Регина:

– Слушай, я тут кое-что почитала про вампиров.

– Только не предлагай мне наесться чеснока и подышать на нее.

– Эти методы давно устарели. Тем более что речь идет об энергетических вампирах.

– Ну?

– Самое первое, что ты можешь попробовать, это представить себя в стакане. Ты окружена стеклянным куполом, который не пропускает ничего плохого. Сиди себе там, а она будет снаружи биться, как муха. Вот и все, – радостно сообщила Регина. Наверняка почерпнула информацию из интернета.

– Что-то сомневаюсь насчет стакана. Скорее я сама буду там биться, как муха.

– Нечего сомневаться, надо пробовать. Вообще давно известно, жертвой является тот, кто чувствует себя ею. Ты не чувствуй, и все.

– Как у тебя все просто. Может, подскажешь, где у меня кнопка, на которую нажать и отключить чувства?

– Это у тебя все сложно. Не хочешь экспериментировать со стаканом, сиди плачь в уголке. – Голос у нее стал недовольным.

Видимо, я должна была поблагодарить Регину за старания, а не сомневаться.

Хорошо еще, что Тоня учится в другой школе. Правда, мне очень интересно, что у нее за класс, с кем она дружит. Она никогда ничего не рассказывает про школу. Тетя Оля однажды проговорила, что они с Тоней обсуждали возможность домашнего обучения – изучать все предметы самостоятельно, а потом сдавать экзамены. Я подумала, что Тоне плохо в школе. Наверное, ее ненавидят в классе, иначе зачем ей сидеть дома? Но мама высказала более правдоподобную версию:

– Это здоровье. Просто с Тониной астмой приходится жить осторожно.

Но я все равно рисовала в своем воображении картины Тониных суровых школьных будней. Должен же быть хотя бы один человек, который поставил бы ее на место.

Весь вечер я слонялась из угла в угол и ничем не могла заняться. Мама вышивала, то и дело прихлебывая имбирный чай. И как она пьет такую жгучесть? Я не люблю, когда чай злой, поэтому пью с молоком и кладу три ложки сахара; чайных, конечно. Еще я не люблю грейпфрут и ананас. Только манго, арбуз и груши. А вот Тоня ест грейпфруты чуть ли не с кожурой.

И вдруг в мою голову пришла гениальная мысль, как вернуть себе хорошее настроение. Я побежала в прихожую, встала на табуретку и достала с антресолей коробку с новыми зимними сапогами. Сапоги отправила обратно, а коробку принесла в свою комнату. Надо собрать Тонины вещи прямо сейчас! А зачем откладывать? Имею я право освободить пространство в своей комнате? Если что, скажу, что делаю генеральную уборку.

Вот ее толстая книжка «Мифы мира» стоит на моей полке. Зачем ей мифы мира? Все есть в интернете. Я открыла книжку, полистала без интереса, понюхала глянцевые страницы и вдруг в самой середине обнаружила сложенный пополам тетрадный листок, исписанный размашистым Тониным почерком. Несколько секунд я смотрела на находку, а потом вытащила листок, развернула и прочитала.

Это было настоящее бумажное письмо. Такие никто уже не пишет. Но Тоня всегда идет против течения, ничего удивительного.

Мне и в голову не пришло, что читать чужие письма подло, то есть я это понимаю, конечно, но вовремя не вспомнила. А потом стало страшно от мысли, что теперь я знаю то, чем Тоня никогда в жизни со мной бы не поделилась. Не каждый день в мои руки попадают чужие тайны, и, наверное, мне следовало разволноваться и озадачиться, что с этим делать. А я

подумала только, что теперь могу ударить Тоню очень больно. После этой мысли я разволновалась, как и положено, потому что обычно никого не бью. Ни словами, ни кулаками.

Как все просто. Еще пятнадцать минут назад я только мечтала обнаружить ее слабое место, а теперь держу в руках самое настоящее оружие. Я схватила телефон, набрала Регинин номер и тут же сбросила – нет, я сама разработаю план мести.

Листок в клеточку дрожал в моей руке, буквы прыгали. Я выхватывала глазами то одну строчку, то другую и понимала, что это письмо личное. Так сказала бы мама. Но она не скажет, потому что ей я его тоже не покажу.

Я знаю, что Вы мне ответите, что я маленькая, глупая и сто раз влюблюсь еще в разных мальчиков...

Сердце мое запрыгало где-то в горле.

Ты посмотрел и бросил мне веревочную лестницу. Ты посмотрел, не разглядел во мне свою ровесницу. А я готова подождать, перетерпеть, помучиться, с тринадцати по двадцать пять. И у меня получится!

Теперь я уже четко осознавала, что совать нос в чужие письма – подлость, но ничего не могла поделать с собой. Только зачем Тоне мучиться «с тринадцати по двадцать пять» – это ведь куча времени!

Я долго пыталась перебороть любовь. У меня не получилось, и Вы должны знать, что я Вас буду любить всегда. Я никому больше в этом не признаюсь и виду не покажу, когда мы встретимся на занятиях...

...У меня зачесалось под лопаткой и закололо в горле от нервов. На листке тут и там виднелись разводы, какие бывают от слез, капающих на бумагу. Мои слезы пока капали только на задачи, а Тонины... Я положила письмо в книжку и зачем-то потеряла свои горячие уши.

Всю ночь я думала о том, что у Тони есть другая жизнь, которой она ни с кем не делится. С тетей Олей наверняка – тоже. А в этой жизни есть любовь. Я в очередной раз почувствовала себя отсталым, никчемным человеком. Что было в моей жизни? Комиксы, Регина, лимонное дерево в горшке и стопка разрисованных маек. Я никому не писала таких писем, и мне никто никогда не напишет – это точно, потому что я обыкновенная. Это открытие застало врасплох, как и открытие своей уродливости. И снова благодаря Тоне.

Получается, я обыкновенная уродина. И быть такой в тысячу раз хуже, чем злой или подлой, потому что обыкновенная – это пустое место. Я вскочила с кровати, выхватила с полки «Мифы мира» и вытрясла на пол письмо. Нет, я не такая уж обыкновенная. Посмотрим, что будет, когда Тоня его хватится.

Глава 7

– Не сутулься, Женя.

Мама налила мне какао и уткнулась в интернет. Завтракать совсем не хотелось, на душе было противно. Несмотря на то что моя мечта сбылась и можно наслаждаться разработкой плана мести, никакого азарта я не чувствовала. Наоборот, в голове крутилась одна мысль – хорошо бы вернуть все как было. Да, я одурела от Тониных нападков, но теперь все еще хуже.

Мама как ни в чем не бывало читала френд-ленту в соцсетях, улыбалась, ставила лайки и ахала. Мне стало обидно: дочь в отчаянии, с синяками под глазами, а она...

Вообще-то у меня самая замечательная мама, с ней всегда хорошо и уютно, она мигом решает все мои проблемы, но тут настроение было настолько гадкое, что я, бросив на стол чайную ложку, выпалила:

– Я нужна кому-нибудь в этом доме?! У меня нет ни одной новой футболки. Третий месяц лета на дворе, а я хожу, как чучело, в прошлогодних!

Мама оторвалась от айфона:

– Что-то случилось?

– Да! Случилось! Мне нужна новая футболка!

– Не кричи, Женя. Я прекрасно слышу. На прошлой неделе тебя все устраивало...

– Да, а сегодня не устраивает.

– Хорошо. Я рада, что ты задумалась о собственном гардеробе. Пора бы уже. Заодно позволь намекнуть, что порядок в шкафу – это тоже часть имиджа юной девушки.

– Ты не намекаешь, ты говоришь прямым текстом.

– Просто мятые футболки гораздо быстрее превращаются в старые, чем аккуратно сложенные. – Мама снова принялась водить пальцем по экрану. – С удовольствием съезжу с тобой в магазин и даже в пиццерию.

– А в пиццерию-то зачем?

– Просто так.

В этом вся мама. Она умудряется уничтожить конфликт в зародыше. Вот бы мне быть такой нежной, воздушной и загадочной. Я даже внешне на нее совсем не похожа. Во мне нет ни капли грациозности, я топаю, как бегемот, и вечно натыкаюсь на углы. И улыбаться, как мама, я тоже не могу, и ресницы у меня короткие, и глаза, как щелочки. Про нос повторяться не буду.

Пока мама доделывала разные домашние дела, я сидела в своей комнате за столом и водила карандашом по пустому листку. Постепенно он заполнялся разной ерундой – крючками, завитушками, косичками, хотя вместо этого там должен был намечаться план мести.

У меня есть чужое личное письмо, которое я прочитала, причем несколько раз. Я вытащила его из «Мифов мира» и спрятала в свой тайник под столешницей. Теперь я знаю, что Тоня влюблена в неизвестного мне Тимофея, который ведет театральную студию.

Тут меня пронзило: Тоня плачет! Плачет, потому что ее любовь оказалась никому не нужна. Я никогда не видела ее плачущей. Ехидной, насмешливой, серьезной видела сто раз. Мне захотелось увидеть ее плачущей.

– Женя, ты собралась? Поехали за нарядами. – В комнату заглянула мама.

– Да, сейчас. Мам, а Тоня, оказывается, занималась в театральной студии.

– Она и сейчас там занимается. Ну, в смысле, во время учебы. На каникулах занятий, конечно, нет. А что, разве ты не знала?

– Не знала. От меня почему-то скрыли.

– Глупости. Сто раз говорили.

– Между прочим, я тоже хочу заниматься в такой студии.

Не знаю, зачем я вдруг сказала это маме, само вырвалось, наверное, потому что мне захотелось побывать в Тонином мире, посмотреть на того, кто выбил из Тони слезы. Интересно, это письмо – черновик? Знает Тимофей, кто в него влюблен?

– Женья! – Мама потрясла меня за плечо. – Ты оглохла? Я спрашиваю: ты увлеклась театром?

– А? Нет, то есть да. Я увлеклась театром.

Мама пристально посмотрела на меня и вздохнула.

Глава 8

В выходной мы отправились к деду. Папа остался в городе – у него дежурство в больнице. Мама совсем недавно сдала на права и чувствовала себя за рулем напряженно. Наша «божья коровка» ласково заурчала и покатила в деревню.

Тоня не появлялась целую неделю. Я с тоской ждала выходных, но в пятницу вечером позвонила тетя Оля и сообщила, что Игнатий Борисович везет их к своей тетке в «живописные места».

«Так вам и надо!» – подумала я.

Представляю выражение Тониного лица, когда она узнала про тетку. Это не у нас в гамаке качаться. Придется быть вежливой, не перебирать еду за обедом и отвечать на глупые вопросы. Конечно, можно этого и не делать. Наоборот – сморкаться в занавески, хохотать во всю ивановскую и есть котлеты руками. Но Тоня будет паинькой. Она покорит тетку Игнатия Борисовича своими манерами, эрудицией и знанием сортов крыжовника. Со временем тетка очаруется, утратит бдительность, и тогда Тоня примется подшучивать над ней и вести себя так, чтобы жизнь тетке медом не казалась. Мы это все уже проходили. Пусть теперь отдувается Игнатий Борисович со своими родственниками.

– Странно, правда? – сказала мама, не отрывая напряженных глаз от дороги.

– Что? – переспросила я.

– Странно, что Тони с нами нет. Я так привыкла.

– А я бы с удовольствием отвыкла. По-моему, тетя Оля тебя эксплуатирует.

– Женя, по-моему, ты суешь нос не туда, куда надо, – одернула меня мама.

– Я бы не совала, если бы мне не выклевывали печенку каждые выходные. И зачем ты про нос?

– Ого! Ты уже поднаторела в мифах. Куда девается твоя бойкость, когда приезжает Тоня? А с твоим носом все в порядке.

– Мам, давай не будем тратить выходной на разговоры про Тоню. Ее тут нет, а мы ссоримся. Она достает меня даже на расстоянии.

– Давай поговорим про театр, – предложила мама.

Про театр мама может разговаривать часами, недаром она у нас искусствовед. Правда, сейчас она занимается домом, шьет юбки «бохо» и делает авторские украшения. Причем каждой юбке она придумывает имя: «Итальянские каникулы», «Имбирный чай», «Путь к себе», «Сказки сиреневого леса». Что и говорить, фантазии у мамы хватает. И чувства юмора тоже. Поэтому она говорит про себя, что последние лет пять «абсолютно прибабахнутая».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.